

Яркое солнце, теплые улыбки, сияющие счастьем лица — они стояли, тесно прижавшись друг к другу. Хань Цзин бережно обнимал Мориса за плечи, словно стремясь защитить его от всего мира. Морис мягко улыбался, и в его глубоких сапфировых глазах, озаренных солнечным светом, вспыхивали золотистые искры.

Щелчок затвора — и этот миг застыл на снимке, сделанном Марко. Теперь свадебная фотография стояла на письменном столе в кабинете. Рядом, в другой изящной рамке, красовался еще один снимок, запечатлевший их совместный отдых в Юрике.

В комнате царил сонный покой. Конец июня принес с собой первое летнее тепло. Розы за окном уже почти отцвели, и в открытую створку вместе с горячим ветром вливался сладковатый, густой аромат гардений.

Морис сидел у стола, опираясь на мягкие подушки. Свободная шелковая рубашка не могла скрыть его большой, округлившийся живот — срок подходил к концу. На обычно холодном и строгом лице застыло выражение глубокой истомы, а в складке между бровей залегла мягкая тень усталости.

На поздних сроках беременности результаты всех анализов по-прежнему оставались безупречными, однако Морис с каждым днем чувствовал, как тают силы. Его все чаще одолевала непреодолимая вялость, хотелось лишь лежать в постели и спать. Эта слабость была гораздо сильнее той, что обычно испытывают беременные. Марко сбился с ног, пытаясь отыскать причину, но так и не преуспел. В конце концов ему пришлось временно отойти от дел на Хароне и перепоручить командование своему ставленнику — адмиралу Евгению, еще одному пробужденному атланту.

Однако история Симо оставалась тайной за семью печатями. Особенный интерес вызывала концепция четырехмерного пространства, описанная в рапортах Хань Цзина. Федеральное правительство придавало этим сведениям колоссальное значение, перенаправив туда почти все ресурсы. Сворачивание миссии «SG-I» парализовало исследования человечества как на Хароне, так и в самой Атлантиде. Единственной надеждой пробиться сквозь завесу тайн древней суперцивилизации и выйти из тупика оставалась генетическая память Симо, хранившая наследие некогда великой цивилизации Камера.

— Слышал, тебе скоро рожать? — Симо наконец появился на экране. Его глубокие фиолетовые глаза и невероятная, запредельная красота могли лишить дара речи любого. Только он мог позволить себе столь фривольные замечания в лицо Морису. Впрочем, из осторожности он говорил на языке Камера. — Глядя на тебя, и не скажешь... Ты совсем не прибавил в весе? Лицо все то же, никакой человеческой одутловатости.

— Я прилично набрал, — спокойно отозвался Морис. Его черты по-прежнему оставались безупречными, разве что подбородок слегка утратил былую остроту. — Просто на лице это не отразилось.

Благодаря совершенству его генетики все питательные вещества из укрепляющих препаратов

и изысканных блюд уходили ребенку. Живот раздался настолько, что Морис уже не мог нагнуться, чтобы поднять оброненную вещь, но тело сохранило идеальные пропорции. Не было ни намека на отеки, и даже физическое влечение, вопреки всему, ничуть не угасло.

— Ты на Базе № 9? В секторе Альтеран? — спросил Морис. Заметив то, что находилось за спиной Симо, он невольно нахмурился.

В секторе Альтеран высился массивный куб высотой чуть более полуметра, отливающий благородной темной синевой. На его матовой поверхности угадывался изящный барельеф — уменьшенная копия Звездных врат. Симо стоял прямо у этого пульта. Достаточно было активировать прибор, чтобы перед глазами возникла голограмма Атлантиды, запечатанная здесь миллионы лет назад.

— Безупречность? — тихо проговорил Симо. — Мы едва унесли ноги с планеты Uīwс. Ты был тяжело ранен, но уже на следующий день стоял передо мной как ни в чем не бывало. Скажи, разве это не верх совершенства?

Он сделал паузу, вглядываясь в экран.

— Но абсолют — это предел эволюции. А чем совершеннее вид, тем он уязвимее перед лицом гибели. Наши великие прародители достигли вершины творения, но так и не смогли избежать предначертанного рока.

Грустная улыбка тронула губы Симо. Его тонкие изящные пальцы скользнули по панели, запуская голографический архив Атлантиды.

Луч мягкого, струящегося света соткал в воздухе фигуру. Существо неземной красоты, чья кожа казалась выточенной из благородного белого нефрита, а взгляд сиял чистотой горных озер. Пол определить было невозможно — это была безупречная, первозданная гармония природы. Альтеранцы походили на людей, но их венчали струящиеся серебряные волосы, а в золотых глазах отражалось мягкое сияние обволакивающего кокона чистой энергии.

Голограмма заговорила. Вместо ожидаемой Морисом величественной хроники, исчисляемой миллиардами лет, раздался чистый, леденящий душу голос. Запись воспроизводилась с того самого момента, от которого по спине пробежал холод.

— Возможно, в мире действительно существует высшая воля, предрекающая угасание всему живому. Рок, от которого не уйти даже нам. Пока это лишь гипотеза, но однажды мы заглянули в пугающую бездну собственной истории...

Серебряноволосый атлант на секунду замолчал, его взгляд казался устремленным сквозь века.

— Мы бороздили космические просторы эоны лет, не ведая страха перед сильнейшими

тварями вселенной. Но из глубин космоса пришла неведомая сила, уничтожающая саму жизнь. Чем сложнее и совершеннее организм, тем быстрее он погибает. Это была чума — неумолимый, необратимый процесс распада.

— Мы бросили все силы на поиски лекарства, но потерпели крах. Более того, наши изыскания привели к...

Свет дрогнул, и золотоокий альтеран рассыпался мириадами искр, растаяв в воздухе.

Сердце Мориса болезненно сжалось, словно его пронзили тонкой иглой.

Симо провел кончиками пальцев по темному металлу древнего устройства.

— Я не могу восстановить поврежденные файлы, — тихо произнес он с горькой усмешкой. — И до сих пор отказываюсь верить, что цивилизация предков, чье величие я храню в своей памяти, канула в небытие, погребенная на дне ледяного океана. Мне страшно, Морис. А тебе?

Он посмотрел на собеседника долгим, тяжелым взглядом.

— У тебя нет этой памяти, тебе не понять. Ты не видел катастрофу, разрушившую наш мир. Тебе не ведом этот первобытный ужас. Лишившись защитников, мы превратились в дичь, в легкую добычу для варваров. Даже сейчас у меня кровь стынет в жилах от этих воспоминаний.

Симо сжал кулаки.

— Но я не верю в окончательную гибель альтеранцев. Они были величайшими создателями, подарившими жизнь бесчисленным расам. Наш вид должен был уцелеть. Мы обязаны выжить — в любой форме, вопреки всему.

В это же время в конференц-зале перед трибуной стоял Хань Цзин. Он был в безупречно сидящем капитанском мундире. Последовав совету Мориса, Хань Цзин отказался от своих старомодных очков, а опытный мастер подобрал ему стильную стрижку, выгодно подчеркнувшую мужественные черты лица. Его взгляд был собран и глубок; уверенным, спокойным взором он обвел присутствующих в зале коллег.

Капитан поднял руку, указывая на мерцающий экран, и серебряные запонки на его манжетах блеснули холодным гляncем.

— Перед вами кадры хаоса на Базе № 9 после нападения пришельцев, — заговорил Хань Цзин. — Все шестнадцать энергетических колонн Атлантиды были полностью опустошены. Через открывшиеся Звездные врата колоссальный объем энергии мгновенно перетек в далекий мир Идо. Физика этого процесса лежит далеко за пределами понимания современной науки. Но факт остается фактом: лишившись питания, Звездные врата, голографические установки и все

обнаруженные нами артефакты атлантов полностью вышли из строя.

— Наши исследования зашли в тупик. Древние барьеры суперцивилизации непреодолимы: мы до сих пор топчемся на самых задворках Атлантиды. Этот некогда летающий город, ныне покоящийся в глубинах Атлантического океана, ревностно бережет свои тайны. Мы не можем пробиться к его ядру, где хранятся столь необходимые нам энергетические колонны.

— Я консультировался по этому вопросу с ведущим специалистом в области физики, профессором Виттом. По его расчетам, физический размер этих колонн ничтожно мал по сравнению с дремлющей в них мощностью — это как капля в бескрайнем океане. При полном высвобождении энергии всего одна такая колонна способна уничтожить нашу планету сотни раз! Поначалу столь разрушительная сила вызвала у меня скепсис. Но вспомните историю: когда-то люди не верили, что Земля круглая, и не догадывались, что невидимые глазу антипротоны могут быть опаснее падающей горы.

— Пройдя через горнило экспедиции «SG-I», я своими глазами созерцал космические чудеса, которые трудно вообразить. Исполинские Звездные врата, которые обитатели мира Идо называют Радужными вратами, парят прямо в открытом космосе без каких-либо опор. Всего один лишь их элемент — управляющий треугольный символ — сопоставим по размеру с альпийскими пиками! И это не преувеличение. Находясь на борту огромного инопланетного корабля, я чувствовал себя беспомощным муравьем. Но когда перед нами разверзлись космические врата, меня пронзило иное, куда более острое чувство: мы не просто ничтожны, мы — всего лишь невидимая пыль в бескрайней пустоте.

— И этот триумф инженерной мысли принадлежит цивилизации Руна — сверхтехнологичной расе, стоящей на одной ступени с альтеранцами и правящей миром Идо.

— Я не стану сегодня подробно расписывать всю мощь и опасность цивилизации Руна. Наш командующий, генерал Морис, безусловно, знает об этом куда больше и глубже, ведь именно он получил признание их системы, — голос Хань Цзина звучал твердо и веско. Сделав короткую паузу, он продолжил: — Я хочу обратить ваше внимание на цивилизацию Нордик, чью историю и структуру знаний мне довелось изучить.

— Обучение у Нордик не похоже на привычный нам диалог учителя и ученика. С помощью бездушных аппаратов колоссальные пласты данных буквально выжигаются в сознании! День за днем, словно острым лезвием по живому мозгу — процесс мучительный до кровавых слез. Однако знания, на освоение которых у людей уходят годы, Нордик усваивают всего за две недели. И эти знания остаются в памяти навечно.

— Но меня, как и многих из вас, долгое время ставила в тупик сама суть этой системы. В ней нет привычного нам фундамента — математики, физики или химии. Ничего подобного. Все их наследие — это колоссальный пласт религиозных догм, воспевающих величие Руны и описывающих духовный путь иных рас.

— Совсем недавно меня озарило. Это пока лишь гипотеза, вектор для размышлений, но я

обязан озвучить ее. Возможно, именно она поможет Федеральному правительству продвинуться в исследовании Атлантиды и решить проблему с опустошенными энергетическими колоннами.

Хань Цзин вывел на экран три изображения: сильно поврежденный истребитель «Бретон», бурлящий зев Звездных врат и голограмму Атлантиды, запущенную Симо.

— Все эти феномены напрямую связаны с силой, о которой без конца твердил божественный посланник Фрейр, — легендарной силой веры.

— В рапортах генерала Мориса четко указано: Фрейр убежден, что обладающий достаточной силой веры способен не просто активировать Радужные врата или управлять любыми технологиями Идо. Истинный адепт, чей разум чист и предан, способен подчинить себе целый летающий город!

— Летающий в глубинах космоса мегаполис... Символ триумфа высшей цивилизации. В такое трудно поверить, — Хань Цзин глубоко вздохнул, укрощая волнение. — Но мне пришлось принять это как факт. Ведь именно наш генерал Морис сумел подчинить себе истребитель «Бретон», запустить прототип Радужных врат и открыть пространственный переход в Солнечную систему, благодаря чему выжившие члены «SG-I» смогли спастись с обреченной планеты Uīwc!

— Энергия, позволившая кораблю «Бретон» установить связь с Землей и запустить шестые Звездные врата, была получена непосредственно через генерала Мориса. Это была сила веры — фундаментальный источник энергии в мире Идо.

— Но как Симо ухитрился активировать голографический архив Атлантиды без энергетических колонн? Смею предположить, что здесь тоже задействована сила веры. Симо родом из мира Идо. Согласно древним легендам чужаков, плоть русалок обладает уникальным свойством — онакратно усиливает ментальное восприятие силы веры. Именно по этой причине на его народ велась беспощадная охота, а сами русалки превратились в изысканный деликатес на столах завоевателей. Сам Симо как-то обмолвился, что это — проклятие Руны, наложенное на цивилизацию Камера.

— Зачем я все это говорю? Моя цель — помочь нашим ученым нащупать верный путь в этой кромешной тьме неизвестности.

— Логическая цепочка выглядит следующим образом:

Система знаний Нордик опирается на жесткие религиозные догмы...

Религиозный экстаз и преданность аккумулируют ментальную силу веры...

Сила веры активирует технологии суперцивилизаций, включая Звездные врата...

— Последний тезис уже доказан на практике. И я убежден: за теологической историей мира Идо кроется глубокий научный механизм генерации этой ментальной энергии.

С легкой улыбкой Хань Цзин перешел к деталям проекта «Нордик», приглашая экспертов к дискуссии. Будучи математиком, он мало подходил для подобных гуманитарно-теологических изысканий, но сумел выдержать колоссальное давление. Сквозь затихающий гул досужих сплетен он шел вперед, обретая все большую уверенность в себе.

Тайны далеких звездных систем разожгли в ученых нешуточный азарт. Как обычно, споры затянулись допоздна. Дискуссия бушевала до тех пор, пока солнце не скрылось за горизонтом. Хань Цзин несколько раз украдкой поглядывал на часы — время работы давно вышло, — прежде чем наконец объявил заседание закрытым.

Сев в машину, он сразу же набрал номер Мориса. Спустя несколько гудков в динамике раздался сонный, но по-прежнему прохладный голос:

— Опять задерживаешься?

— Да, совещание немного затянулось, — мягко ответил Хань Цзин. — Решил набрать, чтобы ты не волновался. Хочешь чего-нибудь вкусного? Я куплю по дороге.

— Привези мне шоколадный мусс и кофейные зерна Юко, — послышался тихий вздох. — Последние дни меня совсем сморило, работать совершенно не могу. Вот и сейчас только глаза продрал...

— Тебе рожать со дня на день, так что забудь о делах и отдыхай, — в который раз ласково пожурил его Хань Цзин. — Осталось всего пара недель.

— Знаю. Просто не привык сидеть без дела. Когда вечно в упряжке, а тут вдруг тишина — даже как-то не по себе, — Морис замолчал на секунду. — Кстати, ты что-то заказывал? Тут курьер оставил коробки на заднем дворе.

— Только сам ничего не поднимай! — встревожился Хань Цзин. — Дождись меня, там все очень тяжелое.

— И что же там такое?

— Колыбелька, деревянная лошадка и куча детских вещей, — с теплотой улыбнулся Хань Цзин. — Я набрал разного, выберем вместе, что тебе больше понравится.

Они поболтали еще немного, делясь домашними пустяками. Стоило Хань Цзину положить трубку, как телефон зазвонил вновь.

Взглянув на экран, он вздохнул: звонила мама. Морису оставалось ходить беременным от силы полмесяца, и материнские звонки раздавались теперь по несколько раз на дню.

<http://bllate.org/book/19677/2006480>